

УДК 63.3(2)622;94(73)"1942"

Синдеев А. А.

СТАЛИНГРАД И АМЕРИКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ФРОНТА В 1942 г.

В статье «Сталинград и американское направление дипломатического фронта в 1942 г.» д.и.н., проф. РАН А. А. Синдеев отмечает, что результаты побед закреплялись за столом переговоров. От профессионализма государственных деятелей и дипломатов зависело послевоенное мирное развитие. Изменение ситуации в Сталинграде и необходимость заниматься вопросами послевоенного устройства мира повлияли на политику, проводимую американцами. 1942 г. и приближающаяся победа в Сталинградской битве наглядно показали большinstву американских политиков: СССР – великая держава, с ней нужно договариваться. Следовательно, развитие основанного на «коренных интересах» сближения между СССР и США в период войны началось благодаря Сталинграду. В 1942 г. советские дипломаты приступили к тому, чтобы на своем фронте попытаться конвертировать победу в долгосрочные договоренности. В конце 1942 г. шансы на успех были велики. Правда, доверия между союзниками все же не было достигнуто. Озабоченность СССР вызывало решение Рузвельта и Черчилля (30 марта 1943 г.) об ограничении поставок по ленд-лизу.

Введение. Победы ковались на фронтах. Они стоили миллионы жизней солдат, офицеров, мирного населения. Результаты побед закреплялись за столом переговоров. От профессионализма государственных деятелей и дипломатов зависело послевоенное мирное развитие. Данная статья посвящена одному из многочисленных дипломатических сюжетов времен Великой Отечественной войны.

Основная часть. В 1941 г. советское руководство имело достаточно чёткие представления об условиях сотрудничества с западными союзниками. Об этом свидетельствует, к примеру, заявление И. В. Сталина, сделанное 20 декабря на встрече с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом: «Если бы Франция осталась после этой войны в состоянии длительной прострации, – рассуждал И. В. Сталин, – то в интересах безопасности Великобритании было бы целесообразно, чтобы последняя имела свои военные и морские базы на французском берегу в таких пунктах, как, например, Булонь, Дюнкерк и т. д. Равным образом было бы целесообразно, чтобы Бельгия и Голландия находились в открытом военном союзе с Великобританией и чтобы последняя на их территории также имела право содержать свои военные, воздушные и морские базы... Советский Союз также не возражал бы против того, чтобы Англия имела свои морские базы в Норвегии или Дании, при условии гарантии некоторыми державами входов и выходов из Балтийского моря». Для себя СССР хотел обеспечить восстановление границ 1941 г. «Кроме того, – значится в советской записи беседы, – Советский Союз, сделавший в 1940 г. подарок Финляндии в виде возвращения Петсамо, считал бы необходимым, ввиду позиции, занятой Финляндией в нынешней войне, вернуть себе этот подарок. Далее Советский Союз хотел бы, чтобы Румыния имела военный союз с СССР с правом для последнего иметь на румынской территории свои военные, воздушные и морские базы». Что касается Финляндии, то «[н]а севере такого же рода отношения Советский Союз хотел бы иметь с Финляндией, то есть Финляндия должна была бы состоять в военном союзе с СССР, с правом последнего иметь на финской территории свои военные, воздушные и морские базы» [22, с 39].

СССР был готов пойти навстречу Великобритании и принять желаемые ею изменения границ, в том числе появление балканской и польско-чехословацкой конфедераций. Последняя при определенных условиях могла быть выгодной для Советского Союза, поскольку она несла с собой изменения в национальном составе – уменьшался удельный вес т. н. антисоветских элементов. А. Иден отказался обсуждать детали советского умеренного варианта с военными базами и минимальным контролем над соседними государствами и уж тем более не собирался закреплять его документально, мотивируя это тем, что британское правительство якобы не занимается этими вопросами и «далеко отстало от Советского правительства».

Поэтому было чрезвычайно важно установить контакты с американскими союзниками [10, с. 51–98]. При этом не стоит забывать слова И. В. Сталина, произнесенные на X съезде партии относительно «использования противоречий между империалистическими державами»: «Смысл существования Наркоминдела в том и состоит, чтобы все эти противоречия учесть, на них базироваться, лавировать в рамках этих противоречий» [2].

На Наркоминдел и Посольство СССР в США и лег основная груз ответственности за работу с американскими союзниками и за достижение поставленного результата. 13 апреля 1942 г. нарком В.М. Молотов, принимая посла США в СССР Стэндли, услышал от него стандартные заверения в дружбе и поддержке. «Моя же цель, [сказал] Стэндли, сделать все, чтобы помочь России достичь... победы» [12]. Бросалось в глаза, что о совместной победе посол почему-то не говорил.

25 апреля 1942 г. «[о]т имени советского правительства ... [В. М.] Молотов заяв[ил], что повторение в будущем посадок американских самолетов на территории СССР нежелательно и переда[л] Стэндли просьбу советского правительства, чтобы американское правительство приняло соответствующие меры к предотвращению посадок американских самолетов на территории СССР» [13, л. 13]. Наркоминдел возражал и против назначения специального американского офицера в польские войсковые части в Советском Союзе, что усилило бы контроль США за представителями военно-политической элиты будущего польского государства. «Наши компетентные власти не видят в этом нужды», – мотивировал отказ В. М. Молотов [13, л. 16].

В мае состоялся известный визит наркома в Лондон и безрезультатные дискуссии с У. Черчиллем и А. Иденом об открытии второго фронта. В Соединенные Штаты В. М. Молотов отправился с большими сомнениями относительно того, удастся ли там положительно решить вопрос о втором фронте. Ф. Д. Рузвельт увидел, как он писал Черчиллю, унылое настроение наркома иностранных дел СССР. Однако В. М. Молотову достаточно легко удалось добиться американского согласия упомянуть в заключительном коммюнике по итогам встречи об открытии второго фронта в 1942 г. Генерал Маршалл настоял лишь на одной корректуре: вместо «август 1942 г.» было записано просто «1942 г.». «...Он считает, вопреки мнению многих американцев, – сказал Ф. Д. Рузвельт на встрече с В. М. Молотовым 29 мая 1942 г., – необходимым в первую очередь покончить с Гитлером, а затем с Японией...». Американский президент выразил готовность направить во Францию около 6–10 дивизий с учетом того, что «[в]озможно придется пережить Дюнкерк... Надо идти на жертвы, чтобы помочь СССР в 1942 г.» [22, с. 214–215]. Однако и В. М. Молотов и Ф. Д. Рузвельт понимали: без согласия британцев открытие второго фронта в 1942 г. вряд ли будет возможным.

Ф. Д. Рузвельт часть времени посвятил обсуждению будущих структур безопасности. Цель, с точки зрения американского президента, состояла в том, чтобы предотвратить появление новых агрессоров и не дать возможности усилиться «старым», а также не допустить в течение 25–30 лет новой войны. Для этого и была необходима некая международная полицейская сила из трех-четырех держав. (Рузвельт предлагал включить еще и Китай). Президент не употреблял термин «международная организация», что позволило советской стороне сделать вывод о ценности более интенсивных действий нескольких партнеров. «Рузвельт, – гласит советская запись беседы В. М. Молотова и Ф. Д. Рузвельта, – предполагает, что впоследствии, по решению США, Англии и СССР, к общему соглашению могут присоединиться и другие страны, в том числе и Франция. Большое же количество участников в предполагаемом объединении на первой стадии его существования таит в себе опасность, что большое количество полицейских может затеять драку в своей среде...». Ф. Д. Рузвельт выступил за то, чтобы вооружение оставалось только у четырех полицейских. «Мы должны сделать разоружение постоянно действующим фактором путем создания полицейской силы...», – утверждал он, указывая на то, что «в течение 10–20 лет поддержание мира должно быть обеспечено силой» [22, с. 211–213].

После возвращения В. М. Молотова в Европу советский посол в США М. М. Литвинов подписал 11 июня Соглашение между правительствами СССР и США о принципах, приме-

нимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии, в котором в первых двух статьях значилось: «Правительство Соединенных Штатов Америки будет продолжать снабжать Правительство Союза Советских Социалистических Республик теми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией, которые президент Соединенных Штатов Америки разрешил передавать или предоставлять. Правительство Союза Советских Социалистических Республик будет продолжать содействовать обороне Соединенных Штатов Америки и ее укреплению и предоставлять материалы, обслуживание, льготы и информацию в меру его возможностей...». В статье 7 детализировались принципы предоставления «льгот»: «их условия должны быть таковы, чтобы не только не затруднять торговлю между этими двумя странами, а, наоборот, содействовать взаимно выгодным экономическим отношениям между ними и улучшению мировых экономических отношений. С этой целью они должны предусмотреть возможность согласованных действий... к которым могли бы присоединяться все другие одинаково с ними мыслящие государства и которые были бы направлены к расширению путем соответствующих международных и внутригосударственных мероприятий производства, использования рабочей силы, а также обмена и потребления товаров...» [22, с. 290–293].

19 июня 1942 г. на встрече с американским послом в Москве «Молотов [отмечал], что, безусловно, Рузвельт является большим реалистом и во многом имеет сходство с лучшим, что имеется у русских. Вместе с тем, Рузвельт является дальновзорким человеком. Рузвельт является горячим сторонником и сильно сочувствует идее создания второго фронта в Европе в 1942 г.». По сравнению с первой встречей в Наркоминделе американский посол сделал больший акцент на единстве союзников и их сотрудничестве. «Стэндли говорит, – зафиксировано в советском варианте записи беседы, – что он хотел бы, чтобы после войны представители обеих стран посещали наши страны с целью изучения того, что они могли бы использовать из опыта, накопленного каждой из них».

Активно шел и согласованный обмен информацией. 26 июня 1942 г. Стэндли сообщал В. М. Молотову о содержании полученных писем американского президента: «В первом послании Рузвельт обращает внимание тов. Сталина на то, что согласно информации американского правительства, японцы, возможно, готовят нападение на Советское Приморье... Рузвельт делает предложение об образовании комиссий для обсуждения вопросов об оказании помощи СССР американскими военно-воздушными силами в случае нападения Японии». Во втором письме «Рузвельт предлагает... организовать пробный и рекогносцировочный полет самолета из Номы (Аляска) до озера Байкал» [14].

2 июля 1942 г. И. В. Сталин на встрече с послом высказался за то, чтобы «русские летчики принимали американские самолеты в Номе и оттуда пилотировали их в СССР... Тов. Сталин говорит, что раньше госдепартамент говорил об использовании советских пилотов для пилотирования американских самолетов в СССР». И. В. Сталин с недоумением отреагировал на попытки еще раз приступить к согласованию поставок из США: «Тов. Сталин замечает, – записано в документе, – что он не может понять, о каких переговорах идет речь, если американцы хотят нам помочь самолётами. Слишком много переговоров и слишком мало дела... Он, тов. Сталин, ничего не требует, но он хотел бы знать... какое количество самолетов в месяц они готовы поставлять нам этим путем». Посол не смог ответить на заданный вопрос, но обратил внимание И. В. Сталина на трудности, с которыми приходится сталкиваться посылу, «например, военно-морской атташе американского посольства лишь через неделю добился разрешения своего выезда из Куйбышева в Мурманск для оказания помощи американским морякам, пострадавшим от бомбардировок и обмороживания. Затем тот же американский военный атташе лишь через месяц смог получить разрешение на свой выезд из Куйбышева в Москву... в будущем он, тов. Сталин, предложил бы, чтобы американским представителям было дано разрешение на выезд в нужный пункт СССР без запроса пропуска в каждом отдельном случае. При этом американские представители должны лишь, конечно, нас предупредить, куда они желают выехать». Одновременно с этим И. В. Сталин возражал про-

тив доставки американских грузов в Китай через советскую территорию, поскольку «ни в одном месте наши железные дороги не примыкают к китайским и поэтому трудно организовать снабжение Китая по нашим железным дорогам». Кроме того, И.В. Сталин не разделил надежд посла на скорое открытие второго фронта [3].

3 июля 1942 г. Стэндли поставил перед наркомом иностранных дел В. М. Молотовым вопрос об эвакуации 10 000 польских детей, «[о] польских воинских частях и поляках в СССР вообще», на что «Молотов заме[тил], что в отношении поляков то и дело возникают новые вопросы. Он, тов. Молотов, должен сказать следующее. Когда поляки в СССР ведут себя хорошо и подчиняются нашим законам, не ведут враждебной деятельности, тогда у нас с ними отношения хорошие» [15].

США и Великобритания решили перенести открытие второго фронта на 1943 г. В августе 1942 г. У. Черчилль прибыл в Москву, чтобы лично сообщить Сталину о переносе и начале британско-американской операции в Северной Африке. Из воспоминаний У. Черчилля: «Я размышлял о своей миссии в это угрюмое, зловещее большевистское государство, которое я когда-то так настойчиво пытался задуть при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл, у которого были литературные способности, суммировал все это в стихотворении, которое он показал мне накануне вечером. В нем было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них звучала: "Не будет второго фронта в 1942 г.". Это было все равно, что везти большой кусок льда на Северный полюс» [23].

Несмотря на задержку открытия второго фронта, 21 августа 1942 г. американский посол вновь попросил советское правительство разрешить направить военно-морского офицера в Петропаловск-Камчатский и позаботиться «об удобстве и благополучии американских моряков» в Мурманске и Архангельске. Применительно к Архангельску Стэндли «сообщ[а]л, что ...[там] находится в настоящее время 1300 человек из состава команд судов, которые были потоплены. Эти люди ничем не заняты и они, вероятно, причиняют много хлопот советским органам», поэтому они будут вскоре эвакуированы. В свою очередь В.М. Молотов обратил внимание посла на то, что «в Мурманске 1/3 города уничтожена германскими бомбардировками» и советская сторона не сможет удовлетворить все просьбы посольства. В качестве шага навстречу американцы были готовы пойти на отмену виз для советских летчиков, участвующих в доставке самолетов с Аляски в СССР. Сохранялась, правда, проблема подготовки соответствующей инфраструктуры на советской территории, о которой говорил нарком иностранных дел: «Дело в том, что маршрут проходит по таким отдаленным районам, в которых почти нет людей» [16].

2 сентября 1942 г. заведующий европейским отделом госдепартамента Р. Аттэртон «[в] беседе на политические темы [с посланником Посольства СССР в США А. А. Громыко] сказал, что США, безусловно, бросят основные силы против Гитлера, но для этого необходимы следующие условия: 1) наличие в конце 1942 г. Красной Армии, как боеспособной силы; 2) приостановка дальнейшего наступления японцев и организация против них контрнаступления. При наличии этих условий Аттэртон считает наиболее реальным временем для наступления англичан и американцев в Западной Европе начало 1943 г.» [1]. Согласно записи встречи с советским посланником Р. Аттэртон заметил, «что за последнее время в Госдепартамент поступили сведения из разных источников о том, что наше упорное сопротивление немцам на юге и наши успехи у Ржева явились неожиданностью для многих людей. Неожиданностью они явились и для американцев... Аттэртон заявил, что вообще многие полагали, что во второй половине 1942 г. положение будет хуже, чем оно представляется в настоящее время... Конечно, – добавил Р. Аттэртон, – момент англо-американского удара будет приурочен к тому времени, когда будет совершенно ясно, что немцы достигли предела своего напряжения». А.А. Громыко сообщал в Москву и другое любопытное высказывание собеседника: «Многие находящиеся там дивизии (речь о немецких дивизиях в Западной Европе. – А. С.) сформированы из пожилых солдат. Это последнее замечание Аттэртона, – констатировал

А. А. Громыко, – представляет интерес с той точки зрения, что американцы до сих пор как правило подчеркивали в разговорах будто бы немецкие войска в Западной Европе сильны» [5].

30 сентября 1942 г. прошла встреча А. А. Громыко с советником (в чине посланника) мексиканского посольства в Вашингтоне Квинтанилла, который «сказал, что установлению отношений между СССР и Мексикой препятствуют американцы. Касаясь советско-американских отношений, Квинтанилла заметил, что члены нынешнего ампра (американского правительства. – А. С.) далеко неодинаково относятся к Советскому Союзу. Лучше всех к СССР относится вице-президент Уоллес и Лион Гендерсон, руководитель управления по регулированию цен... Гендерсон, однако, в силу характера занимаемого им поста лишен возможности оказывать нам конкретную помощь. Его дело (регулировка цен) внутреннего порядка» [1; 6].

После поездки У. Черчилля представители американского правительства использовали время, связанное с переносом открытия второго фронта, для развития контактов с советским правительством и знакомства с ситуацией в СССР. 21 сентября 1942 г. У. Уилки на встрече с В. М. Молотовым рассуждал по этому поводу: «Чем больше он сможет узнать и увидеть из того, на что не наложено запретительного ограничения, тем лучше будет картина России, которую он нарисует американцам» [7, л. 52].

«В беседу, – читаем в соответствующем документе, – вмешивается Стэндли и говорит, что из Вашингтона очень пессимистично оценивают положение на Кавказском фронте и в Сталинграде. Считают, что нельзя удержать ни Кавказа, ни Сталинграда. Он, Стэндли, не видит оснований для подобной оценки положения... Тов. Молотов отвечает, что он не может быть особенно большим оптимистом в отношении положения на нашем фронте, поскольку речь идет об очень серьезных и трудных для нашей армии боях. Сталинград немцы стремятся разделить на две части, прорвавшись к его центру... Немцы имеют успехи, но очень медленные, и эти успехи связаны с большими для них жертвами» [7, л. 52–53].

О доставке американских самолетов нарком заметил: «как только в Фербенксе будут американские самолеты, там будут и наши летчики». Однако 25 сентября «Брэдли... сообщил, что в настоящее время в Фербенксе для отправки в СССР имеется 41 самолет: 27 истребителей, 14 бомбардировщиков. Эти самолеты находятся там уже в течение двух недель... Тов. Молотов говорит, что... не был готов аэродром в Уэлькаль» [4]².

Наркомат иностранных дел пристально наблюдал за усилением активности американцев в соседнем с СССР регионе. «До начала Второй мировой войны, – записано в подготовленный в тот период справке, – Югославия находилась в орбите французского политического влияния. США, не имея особых интересов на Балканах, не предпринимали попыток к установлению там своего политического влияния... После нападения Германии на Югославию, американское правительство в целях оказания помощи югославскому правительству на содержание югославских вооруженных сил, заключило с югославским правительством соглашение о распространении на Югославию закона о передаче займы или в аренду вооружения. В июле 1942 г. югославский король Петр II посетил США. В период пребывания его в США в Вашингтоне было подписано соглашение между государственным секретарем Хэллом и министром иностранных дел Нинчишем о передаче займы или в аренду вооружения... При поддержке американского правительства, в правительстве Трифуновича, ныне подавшего в отставку, был включен в качестве заместителя военного министра генерал Живкович, известный реакционер, подвизавшийся в Югославии во время установления там диктатуры короля Александра в 1929 г. Последнее время Живкович проживает в Америке и является прямым ставленником и агентом американского правительства в югославском правительстве. Югославским послом в США продолжает оставаться известный реакционер великосерб Фотич, который удержался на своем посту главным образом благодаря поддержке американских правящих кругов... По вопросу о будущих границах американские политические деятели прояв-

²5 октября 1942 г. американский посол сделал сообщение о еще 12 ожидавших отправки «Бостонов».

ляют сдержанность... Не исключено, что наряду с военными руководителями англо-американских войск вторжения, американские власти направят в Югославию своих чиновников, которые, не выполняя формально функции чиновников АМГОТ'а будут стремиться к тому, чтобы поставить страну под англо-американский контроль. В вопросе организации послевоенного переустройства Югославии американские политические деятели благосклонно относятся к идее Балканской федерации...» [21]. В контексте обсуждения того же вопроса о поставках из СССР в Китай и направлении военно-морского офицера в Петропавловск-Камчатский данная активность американцев не могло не вызывать опасения. Задерживалось и подписание нового протокола о поставке продовольствия в СССР.

5 октября 1942 г. американский посол объяснял причины своего временного отъезда в США: «Стэндли сказал, что во время войны дипломатия уступает свое место военным и что он... видит свою задачу в том, чтобы устранить препятствия, стоящие на пути снабжения России вооружением. Он, Стэндли, настойчиво следовал по этому политическому курсу, но кажется, что «в машину что-то попало», и он... возвращается в США, чтобы определить, что именно произошло». Одновременно Стэндли предложил, «чтобы вместе с ними в США выехали советские офицеры связи с тем, чтобы они могли получить представление о том, что происходит в Америке. Если тов. Молотов благоприятно относится к этому его личному предложению, то он... был бы рад взять советских офицеров вместе с собой». В. М. Молотов проявил сдержанность, сославшись на необходимость проконсультироваться с военными, и указал на присутствие советского военного атташе в стране. «Стэндли говорит, – отмечается в советском варианте беседы, – что поездку военных в США можно было бы сравнить с поездкой В. М. Молотова в Америку... лично ознакомиться с положением дел в этой стране».

В тот же день были опубликованы ответы И. В. Сталина на вопросы агентства Ассошиэйтед Пресс. Значение открытие второго фронта И. В. Сталин оценил как «первостепенное... [Но в] сравнении с той помощью, которую оказывает союзникам Советский Союз, оттягивая на себя главные силы немецко-фашистских войск, – помощь союзников Советскому Союзу пока еще мало эффективна. Для расширения и улучшения этой помощи требуется лишь одно: полное и своевременное выполнение союзниками их обязательств... Я думаю, – констатировал И. В. Сталин, – что советская способность к сопротивлению немецким разбойникам по своей силе ничуть не ниже, – если не выше, – способности фашистской Германии или какой-либо другой агрессивной державы обеспечить себе мировое господство» [8].

Ответом на прозвучавшую критику стала поездка генерала Хэрли в СССР, который 5 ноября 1942 г. на встрече с В. М. Молотовым заявил: «он хотел бы сказать несколько слов по вопросу, который не имеет отношения к его миссии. Он, Хэрли, всегда считал, что отношения между США и Советским Союзом должны быть очень тесными, что между нашими странами существовали традиционные дружественные отношения со времени той дружественной позиции, которую заняла Россия во время гражданской войны в США» [17].

14 ноября было опубликовано второе интервью И.В. Сталина Ассошиэйтед Пресс, в котором содержалось одобрение действий американско-британских войск в Африке. «Советская сторона, – отмечал И. В. Сталин, – расценивает эту кампанию как выдающийся факт большой важности, демонстрирующий растущую мощь вооруженных сил союзников и открывающий перспективу распада итало-немецкой коалиции в ближайшее время», хотя об эффективности этой кампании, по его мнению, говорить пока рано. «Но можно сказать с уверенностью, что эффект будет не малый и известное уменьшение давления на Советский Союз наступит уже в ближайшее время... кампания в Африке означает переход инициативы в руки наших союзников, она меняет в корне военно-политическое положение в Европе в пользу англо-советско-американской коалиции. Она подрывает авторитет гитлеровской Германии, как руководящей силы в системе государств оси, и деморализует союзников Гитлера в Европе», – говорится в интервью [9].

20 ноября 1942 г. Гендерсон, замещающий Стэндли, информировал В.М. Молотова о том, что «[а]мериканское правительство рассматривало возможные проблемы помощи и восстановления оккупированных стран на основе совместных действий объединенных наций» [18].

15 декабря между Гендерсоном и В. М. Молотовым состоялся следующий диалог: «Тов. Молотов отвечает... Если говорить о коренных интересах, то наши страны ничто не разделяет, ничто не мешает хорошим отношениям между нами. Наши отношения могут быть хуже или лучше, – это зависит от обстоятельств международной обстановки, – но коренные интересы говорят о том, что обе наши страны должны быть в одном лагере... Гендерсон заявляет, что он согласен с мнением тов. Молотова и говорит, что между нашими странами, конечно, могут быть небольшие разногласия, которые, может быть, и не всегда удастся полностью ликвидировать, но эти разногласия не имеют отношения к коренным взаимным интересам, которые покоятся на прочной основе. Тов. Молотов замечает, что две наши великие державы должны иметь при всей разнице их государственного строя уважение друг к другу. Гендерсон говорит, что они должны уважать друг друга и питать доверие друг к другу. Тов. Молотов отвечает, что если они будут уважать друг друга, то это уважение будет означать одновременно и взаимное доверие» [11].

25 декабря 1942 г. Думан на встрече с В. М. Молотовым продолжил развивать тему единства: «Он (Думан. – А.С.) находит, что впечатления, которые он получил о русских людях и их духе, незначительно отличаются от представлений, которые он составил о русских людях на основании русской литературы... русским людям не свойственны очень сложные эмоциональные реакции». Русский и американский народы, по его мнению, схожи. «Тов. Молотов отвечает, что, конечно, между нашими народами есть много общего... американский народ, – продолжил Думан, – во многих отношениях идет впереди своего правительства в области стремления вести войну успешно и быстрыми темпами». На это В. М. Молотов ответил: «Мы можем радоваться американским успехам, в особенности в Северной Африке, и мы стараемся не отставать на нашем фронте... очевидно, что это напряжение сил в войне принесет свою пользу в дальнейшем, в мирное время» [19].

Заключение. Очевидно, что изменение ситуации в Сталинграде и необходимость заниматься вопросами послевоенного устройства мира повлияли на политику, проводимую американцами. Правда, доверия между союзниками все же не было достигнуто. По результатам встречи британского премьера и американского президента в Кассабланке в январе 1943 г. в Москву поступило секретное донесение: «Представитель "Сражающейся Франции" конфиденциально сообщил следующее: "Поспешный созыв конференции в Кассабланке явился результатом последних значительных успехов советской армии, поскольку Рузвельт и Черчилль обеспокоены возможностью победы русских над Германией до открытия союзниками второго фронта в Европе. Вследствие этого переговоры на конференции касались главным образом возможности немедленного открытия такого фронта"» [20]. Озабоченность СССР вызывало решение Рузвельта и Черчилля (30 марта 1943 г.) об ограничении поставок по ленд-лизу.

Едва ли имеет смысл спорить с тем, что «великие державы должны иметь уважение друг к другу». Однако очевидно и другое: при всем уважении и доверии каждая из великих держав всегда имеет геополитические интересы («коренные интересы»). Величие государственных деятелей среди прочего состоит в том, чтобы понять дух времени и успеть вовремя договориться. У Великобритании был реальный шанс в 1941 г. не допустить или ограничить создание советского лагеря после Второй мировой войны. Она этим не воспользовалась, а с 1945 г. начала бороться с теми «ошибками», которые сама и совершила, хотя Советский Союз в сложных для себя условиях предлагал соглашение по границам и зонам влияния.

У Соединенных Штатов были другие подходы. 1942 г. и приближающаяся победа в Сталинградской битве наглядно показали большинству американских политиков: СССР – великая держава, с ней нужно договариваться. Следовательно, развитие основанного на «коренных интересах» сближения между СССР и США в период войны началось благодаря Сталинграду. Оно стоило, о чем не следует никогда забывать, жизнью солдат, офицеров и мирного населения.

Итак, в 1942 г. советские дипломаты приступили к тому, чтобы на своем фронте попытаться конвертировать победу в долгосрочные договоренности. В конце 1942 г. шансы на успех были велики.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Записи бесед тов. Громыко с иностранными представителями в сентябре 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. П. 22. – Д. 234. – Л. 1.
2. Записка М. Грибанова А.А. Громыко, 25 ноября 1950 г. // АВП РФ. – Ф. 082. – Оп. 37. – П. 211. – Д. 75. – Л. 6.
3. Запись беседы И.В. Сталина с американским послом Стэндли, 2 июля 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 22. – Д. 236. – Л. 22-30.
4. Запись беседы с американским послом Стэндли, 25 сентября 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 22. – Д. 236. – Л. 57.
5. Запись беседы с заведующим Европейским отделом Госдепартамента Р. Аттэртоном // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 22. – Д. 234. – Л. 2-4.
6. Запись беседы с советником (в чине посланника) мексиканского посольства в Вашингтоне Л. Квинтанилла, 30 сентября 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 22. – Д. 234. – Л. 13.
7. Запись беседы с Уилки и Стэндли, 21 сентября 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 22. – Д. 236. – Л. 52-53.
8. Ответы И.В. Сталина на вопросы корреспондента американского агентства Ассошиэйтед Пресс, 3 октября 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 10. – Д. 95. – Л. 5-6.
9. Ответы И.В. Сталина на вопросы корреспондента американского агентства Ассошиэйтед Пресс, 13 ноября 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 10. – Д. 95. – Л. 9-10.
10. Печатнов, В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М., 2006. – 752 с.
11. Приём американского поверенного в делах Гендерсона, 15 декабря 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 22. – Д. 236. – Л. 82-83.
12. Приём американского посла Стэндли, 13 апреля 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 22. – Д. 236. – Л. 2.
13. Приём американского посла Стэндли, 25 апреля 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 22. – Д. 236. – Л. 13, 16.
14. Приём американского посла Стэндли, 26 июня 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 22. – Д. 236. – Л. 21.
15. Приём американского посла Стэндли, 3 июля 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 22. – Д. 236. – Л. 40.
16. Приём американского посла Стэндли, 21 августа 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 22. – Д. 236. – Л. 48-51.
17. Приём генерала Хэрли и Гендерсона, 5 ноября 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 22. – Д. 236. – Л. 72-73.
18. Приём поверенного в делах США Гендерсона, 20 ноября 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 22. – Д. 236. – Л. 76.
19. Приём советника американского посольства Думана, 25 декабря 1942 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 22. – Д. 236. – Л. 85-7.
20. Секреты операции «Цитадель», 1 января – 30 июня 1943 года: Сборник документов. – Т. 4. – М., 2008. – Кн. 1. – С. 117-119.
21. Справка «Американо-югославские отношения» (1942 г.) // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 4. – П. 31. – Д. 339. – Л. 1-4.
22. Ржешевский, О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии, комментарии, 1941-1945. – М., 2004. – 564 с.
23. Черчилль, У. Вторая мировая война. – М., 1991. – Кн. 2. Т. 3-4. – С. 509.

Sindeev A. A. Stalingrad and the American direction of the diplomatic front in 1942

The article is written on archival materials. The author emphasizes the following: diplomats consolidated the results of victories achieved on the fronts. The article convincingly shows the role of the victory in the battle of Stalingrad for the rapprochement between the USSR and the USA. The author believes that there was a chance to get long-term agreements between the countries. However, trust between the allies was not achieved.